

© 2000 г.

А.Ю. РОЖКОВ

"В МОСКВЕ Я СЛЫШАЛ ОДНО, ЗДЕСЬ ВИЖУ ДРУГОЕ..."

Красноармеец 20-х годов:
картины мира и социальный облик

РОЖКОВ Александр Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент Краснодарского университета культуры и искусств.

Важной целью советской системы стало формирование "нового человека", в частности, через Красную Армию (РККА). Мой очерк призван реконструировать образ молодого человека в Красной Армии (включая в это понятие флот) 20-х гг. Статья подготовлена на архивных материалах, социологических исследованиях, нарративных и лингвистических источниках, периодике 20-х гг., трудах ученых России и зарубежья.

К концу гражданской войны Красная Армия представляла собой более чем 5-миллионную массу людей. В социальном отношении в основном это были мобилизованные крестьяне. В 1921 г. Красная Армия была сокращена до 1,5 млн. человек [1], к 1924 г. ее численность уменьшилась еще втрое. На действительную военную службу призывались молодые люди, которым к 1 января года призыва исполнился 21 год. Это соответствовало призывному возрасту в 1854 г. [2, с. 17, 18]. *Уровень физического развития* призывников в 20-х гг. был ниже дореволюционного. Причинами являлись мировая и гражданская войны, голод и эпидемии. *Политическая благонадежность* призывника имела большое значение. Каждый юноша заполнял Справку призывника, которая являлась политической характеристикой, так как содержала вопросы о социальном происхождении, имущественном положении, лишении избирательных прав членов семьи, связи призывника с "чуждыми элементами", о привлечении к суду, об отношении к политическим кампаниям. Последний вопрос касался "дополнительных компрометирующих сведений на призывника" [3, с. 135, 136].

Социальный состав Красной Армии почти не отличался от царской армии накануне первой мировой войны, о чем свидетельствует таблица [2, с. 65]. Несмотря на тезис о пролетарском государстве, крестьянская прослойка в Красной Армии возросла по сравнению с дореволюционным периодом.

Руководство страны уделяло внимание политической надежности морского флота, войск ОГПУ, кадровых территориальных и броневых (танки, броневые автомобили) частей. *Грамотность* требовалась для всех родов войск. Для пехоты, артиллерии и кавалерии допускалось 10% неграмотных от общего числа призывников, для тыловых подразделений - до 40%. В среднем ежегодно призывалось 80-88% грамотных новобранцев. В конце 20-х гг. показатели социально-политического облика РККА улучшились с точки зрения "классовой чистоты". Возросла рабочая, партийно-комсомольская прослойка.

Однако в графу "рабочие" попадали городские маргиналы [4, ф. 9, оп. 3, д. 325, л. 118]. В стране, где на 82,7 млн. человек самостоятельного населения было 6,7% рабочих и 4,8% служащих, трудно создать рабоче-крестьянскую (а не крестьянско-рабочую) армию.

Социальный состав РККА и царской армии (в % от общего числа)

Год	Крестьяне	Рабочие	Прочие
1913	69,3	14,1	16,6
1920	77,0	14,8	8,2
1923	73,4	15,7	10,9
1925	71,3	17,7	11,0
1926	71,3	18,1	10,6

КАРТИНА МИРА КРАСНОАРМЕЙЦА. Под *картиной мира* понимается подвижная система связанных образов и представлений об окружающей действительности, специфичных для разных субкультур и страт, в частности, для армейской молодежи 20-х гг. Картина мира - основа мировосприятия, при помощи которой человек действует в окружающем мире. Она определяет ценностные ориентации, мораль, интересы, идеалы, представления о смысле жизни, интерпретации жизненных ситуаций, воплощаясь в социальное поведение. Она управляет социальным поведением человека. Сменяя друг друга, картины мира налаживают отпечаток на сознание, определяя формы социального поведения людей [5, с. 91-94].

Одним из основных образов картины мира красноармейца был *образ армии*. Многими армия воспринималась как эффективное средство социальной мобильности, как возможность вырваться из деревенских оков, выйти "в люди". Крестьянский парень видел, как красноармеец из его деревни после увольнения из РККА становился председателем сельсовета, а его сосед после службы поступил в вуз, старший брат стал красным командиром. В армии было легче вступить в партию и комсомол, что открывало путь к новой жизни. Поэтому понятны переживания крестьянского юноши, описанные им в воспоминаниях: "Ночь перед припиской я не знал, как скоротать, не спал, боялся проспать... да и переживания невероятные, так хотелось служить в армии" [3, с. 136, 137].

В 20-х гг. наблюдалось огромное стремление молодежи к знаниям, к приобщению к культурным ценностям. Вместе с тем более 40% крестьянских детей школьного возраста оставались вне школьных стен [6, т. 8, с. 379], в вузы поступить было еще труднее. Оставалась армия *как школа* в прямом смысле слова. "В армии и грамота, и просвещение, не то что весь век в земле возиться", - считали красноармейцы [7]. Многим крестьянам думалось, что в армии к тому же "учат ремеслу и фабричному делу" [8, ф. 17, оп. 84, д. 953, л. 5]. Армия была средством избавления от безработицы, возможностью ухода от тяжелых условий крестьянского, фабрично-заводского труда. Там кормили, одевали, приобщали к культуре. Один красноармеец так сравнивал армейскую жизнь с гражданской: "На заводе я работал восемь часов... домой еле ноги волочишь. А дома что - грязь, нечистота, заботы, ругань, грызня... А теперь я знаю все оперы, драмы, каждое кино... Я в любой театр бесплатно попасть могу... Вот кончу службу и думаю на рабфак двинуть. Бывшим красноармейцам это теперь в первую очередь" [9]. Особенно привлекала служба на флоте.

Некоторые штрихи образа армии в картине мира призванного можно реконструировать по вопросам новобранцев в первые дни пребывания в казарме (данные об итогах вечера вопросов и ответов призванных 1926 г. и выписки из Книги вопросов и ответов молодого пополнения). Новобранцы (143 человека) задали 127 вопросов. Большинство вопросов (43,3%) отражали "домашние настроения": льготы семьям красноармейцев, льготы по призыву, отпуска. 25,9% вопросов отражали интерес к жизни и быту в армии (порядок службы, поступление в школы). Вопросы политического характера составили 14,2% (общеполитические вопросы, о порядке вступления в партию и комсомол); "хозяйственные" - 7,9%, разные - 8,7%. Из формулировок вопросов видно, что интересовало молодого военного: "Можно ли получить скидку по сельхозналогу?", "Могу ли получить льготу, если семья в 5 человек, а трудоспособных только одна, и та в положении?", "Везде ли налог в нынешнем году увеличен?", "Участь в полковой школе, можно ли получить еще общеобразовательные знания вне полковой школы?", "Как проходят службу неграмотные?" [10, с. 56, 57, 58]. Новобранца интересовали *частные* интересы. Армия воспринималась как учебный, не государственный институт. Юноша был настроен больше *получить* от армии, чем *отдать* ей.

Важное место в картине мира красноармейца занимал *"Я-образ"*, или *идентичность*.

Поскольку служба для большинства красноармейцев являлась коротким этапом биографии, "Я-образ" распадался на две части: "Я" в армии и "Я" в миру". Стремясь сохранить идентичность, красноармеец на 2-4 года как бы примерял маску, соответствующую новой ситуации. Появлялось два лица, первое из которых было преходящим. Подразумевалось, что второе лицо не может нести ответственности за поступки первого. Это был образ *"своего среди чужих"*, заставлявший скрывать истинные мысли и лицемерить. Молодой крестьянин смотрел на службу с точки зрения деревенских интересов. Он был готов терпеть "alter ego", затаиться, приспособиться *на время* ради собственного и семейного благополучия. В то же время он понимал, что военная служба несет убытки его хозяйству. Кроме того, было трудно привыкать к дисциплине, армейскому распорядку, политучебе. Красноармеец понимал, что с ним считаются ровно до тех пор, пока он служит в армии. После службы его ждала участь многих. Здесь отчетливо раздвоение "Я-образа" на "Я" в армии и "Я" в миру": "Пока мы здесь, нам золотые горы после службы обещают: учеба, служба, квартиры, благополучие семьи, - сетовал один красноармеец. - А что с тобою делают, как только службу кончишь? ...Политрук, небось, не рассказывает, как и чем живет народ, где хлеб, где одежда, обувь, почему всего этого нет? Стоишь на посту: шуба, валенки, винтовка в руках... А мимо тебя прыгают, как козы, голые, да босые" [9, с. 53]; "Нас кормят на тарелочках, да с вилочками, а дома все забирают" [11, с. 119].

Статус "человека с ружьем" формировал ощущение исключительности. Поставив себе целью подготовиться в армии для подъема по ступеням социальной лестницы, молодой человек рос прежде всего в собственных глазах. Вне армии он ожидал аналогичного отношения к себе от окружающих, и если такового не следовало, испытывал душевный надлом. Пример кризиса идентичности описан Ш. Фитцпатрик: бывший красноармеец, вторично не принятый на рабфак, недоумевал: "Почему же меня не принимают? Я служил в Красной Армии добровольцем, я достоин, я заслужил" [12, р. 91]. Проблемой являлась неспособность установить *профессиональную идентичность*, связь картины мира красноармейца с его субкультурой. Чтобы сохранить "Я-образ", красноармеец как бы сливался с массой *подобных (образ своей субкультуры)*, в первую очередь с *лидерами* субкультуры (*образ "настоящего красноармейца"*): земляки, старослужащие, командиры, активисты, авторитеты. Красноармеец, боявшийся потери связи со своей субкультурой, превращался в "человека-локатора" (Д. Рисмэн), стремившегося уловить колебания общественных настроений, угадывать чужие ожидания [13, р. 38]. Если сослуживцы не верили в Бога, и он не демонстрировал веры, если выпивали, он употреблял спиртное. Стремясь сохранить идентичность, он терял индивидуальность, внутреннюю мораль, растворяясь среди подобных.

В картину мира военнослужащего входит *образ врага*. В картине мира красноармейца 20-х гг. враги находились внутри страны ("кулак", "жид", "поп", "буржуй", "кадет", "белобандит", "басмач", "мятежник") и вне ее ("Керзон", "Ллойд Джордж", "Антанта" и т.д.).

КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА КРАСНОАРМЕЙЦА. Картина мира-продукт скорее *общения*, чем личного опыта. В замкнутой военной организации имеются каналы коммуникации, неформальные каналы "доверительной информации", позволяющие выходцам из разных социальных групп ощущать себя членами армейской субкультуры с общей картиной мира. К этим каналам можно отнести переписку с семьей, политическую пропаганду, чтение книг и газет, неформальные связи внутри коллектива.

Переписка с семьей означала связь с родиной, внешним миром. Письмо домой или из дома возвращало красноармейца в прежнюю жизнь, возвышало его в собственных глазах и в глазах родителей: взрослый, "политически грамотный" сын *получал право* советовать, указывать. Красноармейцу 20-х гг. разрешалось 2-3 бесплатных письма в месяц. Ограничения были связаны с финансовыми затруднениями и с интересами военно-цензурного ведомства, штаты которого едва справлялись с резко возросшим объемом работы в середине 20-х гг. По данным В.С. Измозика в 744 письме из Красной Армии об отношении к службе писали 245 военнослужащих, о питании - 219, об обмундировании - 109, о дисциплине - 95. Просили прислать из дома справки для получения отпуска 90 красноармейцев. Жаловались на питание 65,7% корреспондентов, на плохое обмундирование - 38,5%, недовольство службой высказывали 71,4% красноармейцев. С ноября 1924 г. по январь 1925 г. среди 502 писем из Красной Армии 234 были положительными и 268 - отрицательными, а из 334 писем из деревни положительных насчитывалось 77 и 257 отрицательных [14].

Красноармеец знал о цензуре и не всегда излагал сокровенные мысли: "письма держат в Красной Армии под лучами "красного зрения" [11, с. 107]. Резолюция XIII съезда РКП(б)

указывала, что "через отпускников..., через письма красноармейцев необходимо деревню приблизить к текущим задачам советской государственности" [15]. Это "приближение" заключалось в массовой кампании по бомбардированию деревни (в первую очередь родителей воинов) красноармейскими письмами, помогающими крестьянству "правильно" понять текущую политику партии. В дни похорон Ленина многие красноармейцы в письмах домой повторяли партийные листовки, разъясняя близким "суть момента". Красноармеец С. Мороз писал дяде как под диктовку политрука: "...с потерей Ленина не должна быть потеряна его мысль, и еще сильнее должны сомкнуться мы свои пролетарские ряды и без всяких сомнений продолжить освобождение трудящихся всего мира" [8, ф. 16, оп. 1, д. 93, л. 13].

Эта работа усилилась в конце 20-х гг. Начали массовую рассылку писем краснофлотцы учебного судна "Комсомолец". Был проведен общефлотский конкурс на письмо в деревню. За 3-4 месяца в рамках конкурса было отправлено в деревню свыше 2 тысяч официальных писем, не считая огромного числа писем краснофлотцев домой с указаниями по текущим проблемам [19, 1928, 28 августа]. В одном эскадроне отпечатали в типографии стандартное письмо красноармейца в деревню, заканчивавшееся так: "Сообщаем вам, дорогие родители, что живется нам в казарме хорошо" [19, 1929, 14 мая]. Впрочем, разумный красноармеец старался не быть пассивным исполнителем чужой воли. Бывало, к "правильному" письму он приписывал: "Этому не верьте, оно написано под диктовку политрука" [17].

Для уменьшения потока негативной информации о Красной Армии, идущей в деревню в красноармейских письмах, и для контроля за настроениями военнослужащих, в 1923 г. при ПУРе создали Центральное бюро красноармейских писем с институтом уполномоченных в частях [18]. Это была официальная отдушина, куда красноармеец мог жаловаться на действия командира, бытовые неурядицы, непредоставление отпуска и т.д. Туда стекалась информация о том, что пишут из деревни. Письма в армию содержали поток жалоб на незаконное обложение семей красноармейцев налогами, неудовлетворительное социальное обеспечение, урезание земельных наделов, незаконное выселение из дома, неуважительное отношение местных властей к семье красноармейца, ходатайства о предоставлении не предусмотренных льгот и т.д. Письма из дома вносили коррективы в картину мира красноармейца. Переживая растерянность, не понимая происходящего, красноармеец-крестьянин нередко укреплялся в необходимости противопоставления города деревне, рабочего класса - крестьянству, командиров - красноармейцам. Один красноармеец, получив письмо из дома, на политчase заявил пропагандисту: "Если бы проводились в жизнь все декреты, про которые вы нам рассказываете, то советскую власть надо было бы защищать, защищать, да еще раз защищать!". Другой послал домой наказ: "Проищи мне, как председатель сельсовета заботится о семьях красноармейцев и как продналог, брал с меня или нет, ежели только брал, то скажи ему, как только приеду, застрелю на месте" [4, ф. 9, оп. 28, д. 474, л. 57].

Политическая пропаганда пронизывала службу красноармейца. На 1.1.1929 г. в РККА числилось 972 клубов (один клуб на 575 военнослужащих). В них насчитывалось 7389 кружков, в том числе 653 антирелигиозных; в кружки было вовлечено 125 тысяч человек. Сеть Ленинских уголков составляла 5484, кружков при них - 17804. Было 1479 библиотек с 9,5 млн. томов. В 1928 г. в армии насчитывалось 750 киноустановок (1 на 745 военнослужащих) и 550 радиоустановок (1 на 1021 военнослужащих) [2, с. 89-91]. Полковой политический аппарат состоял из комиссара, партийного и комсомольского бюро, кабинета политической работы, клуба, газеты и библиотеки. В роте был политрук, партячейка и(или) комсомольская группа содействия партии, руководители политзанятий, Ленинский уголок, библиотека, стенгазета [19].

На одного красноармейца в 1928 г. расходовалось в среднем 5 руб. 80 коп. на политико-просветительные нужды, тогда как в 1926 г. на душу населения по всей стране - 1 руб. 7 коп. При увеличении военного бюджета в 1929 г. на 13% бюджет ПУРа возрос на 75% [2, с. 92]. В среднем из 10 часов ежедневных занятий красноармеец 4,5 часа проводил на политподготовке [20]. Если во время допризывной подготовки на политзанятия отводилось 19%, то на первом году службы они занимали 30,3% учебного времени, на втором 58% [21].

Было бы заблуждением переоценивать качество пропаганды прежде всего из-за слабой подготовки ротных "групповодов". С другой стороны, армейский политработник 20-х гг. СИ. Гусев причину промахов пропаганды в РККА связал с особенностями крестьянского мировидения: "Из всей нашей пропаганды крестьянин-красноармеец прочно воспринимал лишь то, что соответствует его классовой мелкобуржуазной природе, все остальное отскакивало от него, как ненужная шелуха. Он очень хорошо понимал, что надо раз навсегда покончить с помещичье-генеральской контрреволюцией для того, чтобы она не отобрала у

него земли и воли; что для этого нужна армия... Что касается мировой революции, новых империалистических войн, крушения капитализма и вопросов нашего хозяйственного социалистического строительства, то "на душу" это ему "не ложилось" [22].

В середине 20-х гг. проводились исследования словаря красноармейца: всего 2401 красноармеец, 141 письмо в "Красную звезду", курсанты Ташкентской военной школы. Исследовались три группы красноармейцев: первая готовилась к увольнению, вторая - новобранцы, третья прослужила от полугода до года. Красноармейцы наиболее верно понимали слова *армия, бастовать, ВЧК, гарнизон, гауптвахта, гвардия, ГПУ, дезертир, декрет, держава, дисциплина, Ильич, империализм, исполком, караул, клуб, Колчак, коммунист, лозунг, льгота, марксизм, нэп, пан, Перекоп, политчас, политрук, пролетариат, пропаганда, регистрация, РКП, самогон, трибунал, устав, фашисты, чекист, шеренга, шефство, Юденич* и др. Но многие неправильно понимали слова *Антанта, белогвардейцы, беспартийный, антирелигиозный, Брестский мир, Бухарин, военкор, Ворошилов (!), германская революция, десант, интервенция, кайзер, комиссар, монарх, монополия, национализация, нация, манифест, Лига наций, петиция, пролетарий (!), Радек, Раковский, рабкрин, РСФСР (.), цензура, элемент, эпидемия* и т.д. Затруднения у красноармейцев вызвали "буржуйские" термины *компромисс, моральный, демократический*. Красноармейцы понимали термин "склеп" и затруднялись с "мавзолеем" [23].

Отношение к политзанятиям было неоднозначным. Часто фактором низкой пропаганды становилась пропасть между лозунгами и действительностью. Навязанную картину мира корректировали письма из дома, существенные потрясения ждали красноармейца при личной встрече с действительностью. С. Тюрьмина по болезни отпустили домой, проинструктировав насчет "политпросвещения" деревенской массы. Увидев страдания односельчан, произвол властей, он пишет в "Крестьянскую газету": "Живши в Москве, я слышал и видел одно, чему приходится только радоваться, здесь же я слышу и вижу другое, чему приходится только печалиться" [24]. Красноармеец Николаев ехал в отпуск агитатором "за линию ЦК", а по возвращении заявил: "Мы здесь много говорим, а на самом деле деревня идет под гору, ее жмут со всех сторон". Его исключили из комсомола [16, 1929, 6 октября].

Через *книги и газеты* красноармеец также формировал мировоззрение. Армия предоставляла возможность приобрести к литературе. Здесь одна библиотека приходилась на 262 читателей, тогда как по стране - на 317 человек [2, с. 89]. Опросы дают пеструю картину, поскольку проводились в разное время, в разных округах, по разным методикам. Однако их данные интересны. По результатам сопоставления запросов красноармейцев-читателей с наличием и реальной выдачей книг (1923-1925 гг.), максимальная обращаемость приходилась на литературу *антирелигиозного* содержания (в среднем 46% всех обращений), хотя книг на эту тему в библиотеках было 1,7% всей литературы. *Беллетристика* была на втором месте, и этот спрос удовлетворялся. Были популярны (но редки) книги по *естествознанию*), *философии* (практически отсутствовали), *истории*. Самый богатый раздел *общественной литературы* (36,5% фонда) стоял по популярности на предпоследнем месте, на последнем - *военная литература* [25, с. 44-47].

По данным газеты "Красноармеец-безбожник" в 1928 г. книги по антирелигиозной тематике оборачиваются в четыре раза быстрее книг по другим отделам; проблема в малочисленности литературы. В библиотеке одного полка таких книг было 250 экземпляров из 18 тысяч томов, в ротных библиотеках - единичные брошюры [26]. Интерес красноармейцев к подобной литературе был столь велик, что они из скудного жалованья выделяли средства на антирелигиозные книжки [10, 1927, № 14, с. 46]. "Дайте мне такую книгу, чтобы я смог себе ясно представить, что Бога нет", - просили библиотекарей [25, с. 61]. Читая книжку, боец недоумевал и возмущался: "Бог ли? Природа ли? Голова раскалывается!" [10, 1927, № 23, с. 50]. Неопределенность и неконкретность книжной продукции объяснялась тем, что главное внимание в антирелигиозной пропаганде уделялось сообщению красноармейцу научных знаний. Лишь в 1928 г. появились программа и учебник для антирелигиозных кружков [4, ф. 9, оп. 13, д. 622, л. 17].

По другим опросам, самой популярной была *агрономическая* литература, особенно среди красноармейцев-крестьян, затем шли беллетристика, политическая, историческая и антирелигиозная литература [27]. По данным Е. Добренко, интерес к беллетристике в 5 раз превышал суммарный спрос на литературу по другим разделам. Затем в порядке убывания интереса шла литература о революционном движении, о религии, положении трудящихся на

Западе, о царской армии, положении рабочих до и после революции, гражданской войне, сказки, литература о положении евреев в прежнее время, романы-утопии [28].

Любимыми писателями красноармейцев в 1920 г. были (в порядке убывания) Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь. К. Маркс занимал 11-ю строчку в рейтинге, В.И. Ленин - 13-ю. В 1923 г. приоритеты сместились. Первую тройку составляли Д. Бедный, Л. Толстой, К. Маркс, затем шли Ленин, Пушкин и Гоголь. На 8-м месте находился А.М. Горький. На 10-м - Г.Е. Зинovieв, М.Ю. Лермонтов и А.П. Чехов занимали 13-е и 15-е места. На 20-м был Ф. Энгельс, за ним Ф.М. Достоевский [25, с. 98]. Популярность Ленина после его смерти росла, но не была стабильной: в 1924 г. ленинская работа "Государство и революция" заняла 13 место [29].

подавляющее большинство красноармейцев (90%) читали газеты, остальные либо не желали читать, либо на это не хватало времени. Кто-то не читал по малограмотности. Многие не указали названия газет, которые читают. Согласно ответам на этот вопрос анкеты больше всего бойцы читали армейские многотиражки. Затем шли "Беднота", "Красное знамя", "Правда", "Известия", "Рабочая газета", "Безбожник" [25, с. 108-110]. Красноармейцу нравились статьи и заметки, написанные понятным для него языком: статьи Ю.М. Стеклова в "Известиях", В.А. Карпинского в "Красной звезде" и "Бедноте", Л.С. Сосновского в "Правде". На газету красноармеец смотрел как на *источник новостей* и в первую очередь читал хронику, правительственные сообщения, затем статьи.

Воинский коллектив являлся важнейшим каналом формирования мировидения красноармейца. То, что можно было скрыть от командира, политрука, от родителей, не утаишь от сослуживцев. Книга, газета, политбеседа могли быть не столь убедительными, как мнение авторитетного товарища. Поэтому многое зависело от того, с кем общался красноармеец, кто входил в его ближайшее окружение, кому он доверял. Как правило, в армии преобладают межличностные связи на основе *землячества* и *срока призыва*, особенно у призывников из крестьян, по природе менее коммуникабельных. В первые месяцы службы им было очень важно для скорейшей адаптации держаться с друзьями-земляками. Однако командование стремилось рассредоточить земляков, чтобы легче осуществлять политический контроль. Коммуникативный вакуум красноармейца заполнялся навязанными ему каналами общения и информации - младшим комсоставом, партийным и комсомольским активом, осведомителями особого отдела ГПУ. В ротах на сутки назначался *дежурный член комячейки*, работавший конфиденциально. По секретной инструкции, он не должен был выдавать свои задачи - наблюдение за настроениями и беседами красноармейцев. В случае обнаружения "всяких извращенных понятий и толков", он был обязан направить к красноармейцам свободного коммуниста подразделения, но ни в коем случае не обнаруживать себя [8, ф. 16, оп. 1, д. 93, л. 6]. Чаще всего, однако, красноармейцы смотрели на коммунистов и комсомольцев "как на шпиков" [30, ф. 1, оп. 23, д. 285, л. 69 об.].

Ротным коммунистам военные чекисты вменяли в обязанность прислушиваться к разговорам, информировать особый отдел. Наблюдение за подозрительными лицами, знакомство с ними по поручению чекистов также входило в обязанности ротных коммунистов. Отказаться от подобных "поручений" красноармейцу-коммунисту запрещал секретный циркуляр. Одними коммунистами чекисты не ограничивались. К концу 1924 г. в особых отделах состояло на платной службе 700 сексотов [31]. Особенно активизировалась работа агентуры в период политически важных или чрезвычайных событий - кончина В.И. Ленина, М.В. Фрунзе, высылка Л.Д. Троцкого, "военная угроза" 1927 г., коллективизация.

Молодого красноармейца "просвечивали" сослуживцы, проинструктированные на предмет политических взглядов, убеждений, происхождения, и особенно *вероисповедания*. Проводились коллективные и индивидуальные опросы новобранцев. По итогам одного из опросов признавали религию и верили в Бога 62,5% призывников. 61% опрошенных считали всякую религию правильной, 56% посещали церковь [25, с. 46]. Часто вера красноармейца соседствовала с суевериями, верой в чудеса, домовых, чертей, леших, русалок, ведьм, ворожбу, в сверхъестественное. Молодые красноармейцы в секрете принимали крик филина за стоны покойника, кусты - за леших, в результате объявлялась ложная тревога. Один комсомолец-пограничник собирался купить крест для защиты "на случай нападения на пост" [10, 1927, № 35, с. 44]. Боец войск ОГПУ пересказывал в письме родным чудеса, о которых ему поведали сослуживцы: "Часто обновляются иконы, и уже наверно страшный суд будет; где-то в Сафровской долине кресты растут, наверно, и мертвые встанут". Правда, приписал: "Но все это вранье" [4, ф. 9, оп. 228, д. 227, л. 62]. Неверующий красноармеец

хранил родительское благословение и образок, носил нагрудный крестик, который "мамаша повесила". Многие не носили крестики, опасаясь насмешек. В результате красноармеец либо подчинялся воле казарменных авторитетов и переставал молиться, либо уходил с крестом и молитвой "под одеяло". Протестовать мало кто решался; чаще смельчаки находились среди сектантов. Но были красноармейцы, перед сном молившиеся за командира, политрука, комячейку и комсомол: "Они хорошему научают". Немного прослужив, они причуались *скрывать* веру. Об этом говорят результаты одного из опросов. Если среди молодых красноармейцев верующими назвались 24,5%, то среди старослужащих - 14%. Снижалось и количество колеблющихся с 45% до 36%, одновременно возросло число неверующих - с 30,5% до 50% [10, 1927, № 23, с. 49]. Объясняли неожиданный атеизм просто: "Все не верят, и я не верю". На вопрос, что они будут делать в деревне, где все верят, они отвечали откровенно: "Придется и нам верить" [10, 1927, № 35, с. 44].

Конформизм, стремление быть "*как все*" процветал. Чтобы не выделяться из сослуживцев, красноармеец причулся к жаргону и похабным шуткам. Если ты *настоящий* красноармеец, то должен крепко выражаться. *Казарменное арго*, особенно у младших командиров, включало термины "губа" (гауптвахта), "рябчик" (наряд), "крыть" (ругать), "греть" (наказывать), "гриб" (пост) и т.д. [16, 1928, 27 июля]. Не без помощи старших командиров в армии была легализована ненормативная лексика. Даже среди кубанцев Таманской дивизии стал приживаться мат, несвойственный казакам [4, ф. 9. оп. 3, д. 352, л. 97].

В красноармейской казарме насаждался культ нетерпимости к "*не нашим*", нередко по этнической линии, *антисемитизма*. С такими настроениями молодой человек приходил в армию, образ вечно виноватого во всем "врага" присутствовал в переписке с родственниками. В данном случае речь идет о *бытовом* антисемитизме. Вряд ли возможно было оправдать его лозунгом борьбы с абстрактными "жидами-коммунистами", поскольку основной мишенью казарменного антисемитизма становились вполне конкретные красноармейцы-евреи. Самыми мягкими формами юдофобии являлись словесные оскорбления. Были факты травли евреев, физического оскорбления [4, ф. 9, оп. 28, д. 109, л. 17, 30], случаи убийства красноармейцами гражданских лиц еврейской национальности [4, ф. 9, оп. 28, д. 256, л. 18].

Советская действительность и условия казармы 20-х гг. формировали тип *брутального* красноармейца. Инициатива повседневной грубости и хулиганства чаще исходила от *младших командиров*, которые копировали старших начальников. Не имея по причине одинакового возраста реального авторитета среди подчиненных, младший комсостав изощрялся в издевательствах, пытаясь доказать свое превосходство. Это могло проявляться в "изучении" лошадиной уздечки, винтовки подчиненного, чтобы найти повод для наказания, в принуждении носить командиру завтрак в казарму, в лишении красноармейцев положенного чаю, в физическом или словесном оскорблении. Многие младшие командиры называли красноармейцев "ослами", "свиньями", "пастухами", "подмetailами". Сводки о состоянии РККА полны примеров: "красноармейцев заставили бегать с телами и станками пулеметов", "командир отделения ударил красноармейца ногой по большой ноге", "командир отделения Чернышев ругал подчиненных матом и получил за это благодарность", "командир отделения Калугин всегда дает чистить свою винтовку красноармейцам" и т.д. [4, ф. 9, оп. 3, д. 352, л. 87-89]. Подобные действия приводили к протестам, к дезертирству, самоубийствам, формировали отталкивающий образ командира в картине мира красноармейца, во многом совпадавший с образом врага.

Казарменная субкультура формировалась *старослужащими* красноармейцами - носителями и хранителями традиций. С появлением новобранцев они стремились обозначить свое превосходство издевательствами и глумлением над новобранцами, облеченными в "шутливую" форму. Одно из таких проявлений выражалось в приставании к молодому красноармейцу по типу "слабо". "Слабо надеть котелок с горячей кашей на голову собаке?", "Слабо Ваньку облить супом?", "Слабо Петку ударить?" и т.п. Гогочущая толпа вынуждала новобранца надевать котелок на голову собаке, обливать супом, рвать рубаху, бить товарища. Любимым занятием старослужащих был "медосмотр" новичков, принимавший форму издевательства. Облачившись в медицинские халаты и вооружившись инструментами, "старики" осматривали новобранцев, заставив их раздеться догола [2, с. 221].

Трудно переоценить роль такого института социализации молодого человека как армия. Главное отличие Красной Армии от дореволюционной состояло в том, что новая армия больше напоминала политическую и общеобразовательную школу, нежели военную органи-

зацию. Придя туда с крестьянскими представлениями и ограниченным мировидением, юноша покидал ее во многом *другим* человеком. В армии ему показали врагов и научили убивать их, привили интерес к общественной деятельности, его напичкали лозунгами, а возможно, впервые в жизни научили читать и писать. Стал ли красноармеец по окончании службы полностью *советским* человеком? Это вопрос риторический. Можно утверждать, что после армии он во многом перестал быть *крестьянином*. Теперь его тянули к себе город, вуз, рабфак, завод, стройка. Если же и возвращаться ему в деревню, то только в сельсовет, председателем колхоза, секретарем комячейки. Армия *приподняла* его над массой и *оторвала* от нее. Она научила его двойным стандартам, конформизму и лицемерию, терпению и угодничеству, доносительству и демагогии, власти силы и силе власти. Она научила его общению, показала ему множество сверстников, расширила круг интересов и притязаний, спасла во время голода. Она сделала из него *личность*, при этом лишив его чего-то *человеческого*.

ИСТОЧНИКИ

1. *Зайцов А.* Красная армия // Армия и флот. 1932. № 35. С. 31.
2. *Иванович Ст.* (Талин В.И.) Красная армия. Париж, 1931. С. 43—45.
3. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
4. Российский государственный архив военной истории (далее - РГВА). ф. 9. оп. 3. д. 352. Л. 1 18.
5. *Художественная жизнь современного общества.* Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб. 1996.
6. Малая Советская энциклопедия. Т. 8. М. 1932.
7. *Глан.* За правдой в СССР // Молод, гвардия. 1926. № 6. С. 159.
8. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). ф. 117. оп. 84. Д. 953. Л. 17.
9. *Москвин М.* Хождение по вузам: воспоминания комсомольца. Париж. 1933. С. 51, 52. 7. "Советская власть обречена": Аналитический обзор 1921 г. из Архива Службы внешней разведки России // Историч. архив. 1995. №4. С. 107.
10. *Давыдов В.* Лицо новобранца // Воен. вестник. 1927. № 2.
11. Крестная ноша: трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924-1934. Ростов-на-Дону. 1994.
12. *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934. Cambridge, 1979.
13. *Riesman D.* The Lonely Crowd. N.-Y., 1953.
14. *Извозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопр. истории. 1995. № 8. С. 34.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов. Т. 3. М., 1984. С. 253.
16. Красная звезда (ежедневная газета РККА).
17. *Дегтярев Л.* Политработа в Красной Армии в военное время. М. 1930. С. 50.
18. *Черневский В.* Бюро красноармейских писем нужны // Воен. вестник. 1927. № 28. С. 51.
19. *Харитонов Н.* Политический аппарат Красной Армии. М., 1929. С. 81.
20. Десять лет Красной Армии: Альбом диаграмм. М., 1928. С. 21.
21. *Пятницкий Н.В.* Красная Армия СССР. Вып. I. Красная Армия и Коммунистическая партия (политическое устройство армии). Париж, 1931. С. 80.
22. *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия. М., 1925. С. 149, 150.
23. *Шпильрейн И.Н. и др.* Язык красноармейца. М., Л., 1928. С. 17, 18, 166-175, 186-189.
24. Российский государственный архив экономики. Ф. 396, Оп. I. д. 1. Л. 29.
25. *Хлебцевич Е.И.* Изучение читательских интересов: Массовый читатель. М., Л., 1927.
26. Красноармеец-безбожник. 1928. 31 окт.
27. Массовый читатель и книга. М., 1925. С. 37.
28. *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 62.
29. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб, 1997. С. 194.
30. Центр хранения документов молодежных организаций.
31. *Извозик В.С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением советской России в 1918-1928 гг. СПб, 1995. С. 71, 72. 117.